

Табанакowa В. И. – адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России (Россия, г. Иркутск)

**ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ
СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ В СТАТЬЕ 282
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION
AND CRIMINAL-LAW ASSESSMENT
OF SUBJECTIVE FEATURES IN ARTICLE 282
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье анализируются субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства). Основное внимание уделено проблемам квалификации, связанным с признаками субъекта преступления и характеристикой субъективной стороны. Рассмотрены два специальных признака субъекта преступления (совершение деяния: 1) лицом, ранее подвергнутым административному наказанию либо имеющим судимость; 2) с использованием служебного положения) и выявлены пробелы в правовом регулировании: в частности, не охвачены лица, обладающие общественным авторитетом (публичные деятели, блогеры, журналисты и т. д.). Проанализирована дискуссия о роли мотива и цели в субъективной стороне преступления. Показаны сложности отграничения экстремистского мотива отличной неприязни, а также проблемы толкования терминов «ненависть» и «вражда». Результаты исследования могут быть полезны для доктринальных разработок, правоприменительной практики и совершенствования законодательства.

Ключевые слова: возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства; субъект преступления, специальный субъект, административная преюдиция, использование служебного положения, субъективная сторона преступления, прямой умысел, мотив ненависти или вражды, экстремистские преступления, квалификация преступлений, правоприменительная практика.

Abstract. The article analyzes the subjective features of the crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation (inciting hatred or enmity, as well as humiliation of dignity). The main focus is on the problems of qualification related to the features of the subject of the crime and the charac-

teristics of the subjective side. Two special features of the subject of the crime are considered (the commission of an act by: 1) a person who has previously been subjected to administrative punishment or has a criminal record; 2) using official position) and identified gaps in legal regulation: in particular, persons with public authority (public figures, bloggers, journalists, etc.) are not covered. The discussion on the role of motive and purpose in the subjective side of the crime is analyzed. Difficulties in distinguishing between extremist motive and personal dislike, as well as problems in interpreting the terms “hatred” and “enmity” are shown. The results of the study can be useful for doctrinal developments, law enforcement practice and improving legislation.

Keywords: incitement to hatred or enmity, humiliation of dignity; subject of the crime, special subject, administrative prejudice, abuse of official position, subjective aspect of the crime, direct intent, motive of hatred or enmity, extremist crimes, qualification of crimes, law enforcement practice.

Несмотря на многократную редакцию статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), субъективные признаки состава преступления – субъект и субъективная сторона – сохранили свою содержательную основу, однако продолжают порождать дискуссии в доктрине и сложности в правоприменительной практике. Наличие оценочных понятий в диспозиции, сочетание общих и специальных признаков субъекта, а также специфика законодательной техники при описании субъективной стороны обуславливают актуальность настоящего исследования.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Однако законодательная конструкция анализируемой нормы содержит два специальных признака субъекта, каждый из которых порождает самостоятельные проблемы квалификации.

Первый специальный признак закреплен в п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ – совершение деяния лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за преступления, предусмотренные данной статьей, статьями 280 или 282.4 УК РФ. Как справедливо отмечает В. В. Тростянецкая, правовая неопределенность возникает в ситуации, когда повторное деяние совершено после составления протокола об административном правонарушении, но до вступления постановления суда в законную силу [6, с. 169]. Поскольку согласно ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления, до этого момента состав преступления отсутствует, что требует от правоприменителя особой тщательности при установлении временных параметров деяния.

Второй специальный признак совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ). Пленум

Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 разъясняет, что под использованием служебного положения понимается использование виновным своих властных или иных служебных полномочий, а также авторитета, связанного с занимаемой должностью [7].

Однако как обоснованно указывает Е. А. Редькина, признак «использование служебного положения» не охватывает круг лиц, реально способных оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения, – политических, религиозных, общественных деятелей, педагогов, профессиональных журналистов, которые, не занимая служебного положения, обладают авторитетом, что создает пробел в уголовно-правовом регулировании [4, с. 275]. Сходную проблему описывает Е. П. Сергун, указывая на необходимость четкого определения их правового статуса [3, с. 204].

Представляется обоснованным предложение В. В. Тростянецкой о признании лица, имеющего значительную аудиторию в социальных сетях, в качестве специального субъекта состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ [7, с. 170]. Общественная опасность деяний таких лиц сопоставима, а в отдельных случаях и превосходит опасность деяний лиц, использующих формальное служебное положение.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Формулировка диспозиции «действия, направленные на...» исключает совершение преступления по неосторожности. Ключевая дискуссия в доктрине разворачивается вокруг вопроса о том, являются ли мотив и цель обязательными элементами состава.

Как справедливо отмечает Е. П. Сергун, диспозиция ст. 282 УК РФ в современной редакции не содержит прямого указания на мотив или цель, используя формулировку «действия, направленные на...» [5, с. 203]. Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях фактически вводит цель в качестве обязательного элемента, характеризуя субъективную сторону прямым умыслом и целью возбудить ненависть либо вражду, либо унижить достоинство [3]. Часть ученых полагают, что при отсутствии в диспозиции прямого указания на цель, последняя может быть любой и не влиять на квалификацию, однако доминирующей является позиция, признающая цель возбуждения ненависти или вражды конститутивным признаком.

Ядром субъективной стороны выступает мотив ненависти или вражды. С. В. Борисов обращает внимание на внутреннюю сложность законодательной конструкции, объединяющей термины «ненависть» и «вражда». Ученый полагает, что термин «вражда» является излишним, так как характеризует скорее объективно сложившиеся отношения между группами, а не внутреннее побуждение лица, и предлагает оставить в качестве мотива только «ненависть» [1, с. 8]. Данная позиция заслуживает поддержки, по-

сколько упростит доказывание и устранил терминологическую избыточность.

Также проблеме составляет отграничение экстремистского мотива от личной неприязни. Для правильной квалификации недостаточно установить лишь факт принадлежности потерпевшего к иной социальной группе. Требуется доказать, что именно этот групповой признак, осознаваемый виновным как значимый (например, внешность, язык, культурные особенности), стал основным, доминирующим побуждением к совершению преступления, а не просто сопутствовал личному конфликту [6, с. 226].

Е. А. Глухов, анализируя сходные проблемы применительно к публичному оправданию терроризма, акцентирует внимание на том, что для формальных составов ключевым является установление направленности умысла виновного на достижение конкретного результата [2, с. 40]. В правоприменительной практике умысел нередко устанавливается исходя из самого факта публичного распространения информации, что может привести к излишне широкому толкованию и привлечению к ответственности за высказывания, не содержащие прямой цели разжигания вражды. Данное наблюдение полностью релевантно и для ст. 282 УК РФ, требуя от правоприменителя особой тщательности в исследовании контекста, формы и содержания деяния.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы:

Признак специального субъекта, использующего служебное положение (п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ), нуждается в расширительном толковании либо в законодательном уточнении путем включения указания на лиц, обладающих общественным авторитетом и возможностью воздействия на массовое сознание (публичные деятели, блогеры с значительной аудиторией, педагоги, журналисты). Это позволит устранить существующий пробел.

В доктрине отсутствует единство мнений относительно терминологического обозначения мотива преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Для устранения существующей терминологической неопределенности требуется официальное толкование либо законодательное уточнение, закрепляющее соотношение данных понятий применительно к составу данного преступления.

При доказывании субъективной стороны необходимо требование обязательного установления не только факта публичных действий, но и их направленности именно на возбуждение ненависти, что предполагает тщательный анализ контекста, позволяющего отграничить экстремистский мотив от личной неприязни. Ключевым критерием должно служить то, что мотив направлен против группы как таковой, а не против конкретного лица в силу индивидуальных отношений.

В части административной преюдиции требуется законодательное уточнение момента, с которого лицо считается подвергнутым административному наказанию для целей уголовной квалификации, чтобы исключить ситуации правовой неопределенности при совершении повторного деяния в период между составлением протокола и вступлением постановления в законную силу.

Библиографический список

1. Борисов С. В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4–9.

2. Глухов Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 38–44.

3. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23 декабря 2025 г.) // Российская газета. 2011. 4 июля.

4. Редькина Е. А. Субъективные признаки преступлений экстремистской направленности // Наукосфера. 2022. № 6 (1). С. 273–277.

5. Сергун Е. П. К вопросу о субъективных признаках возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (статья 282 УК РФ) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 201–205.

6. Табанакова В. И. Субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ // Юрист-Правовед. 2025. № 4 (115). С. 223–228.

7. Тростянецкая В. В. Особенности субъекта преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 167–171.

© Табанакова В. И., 2026